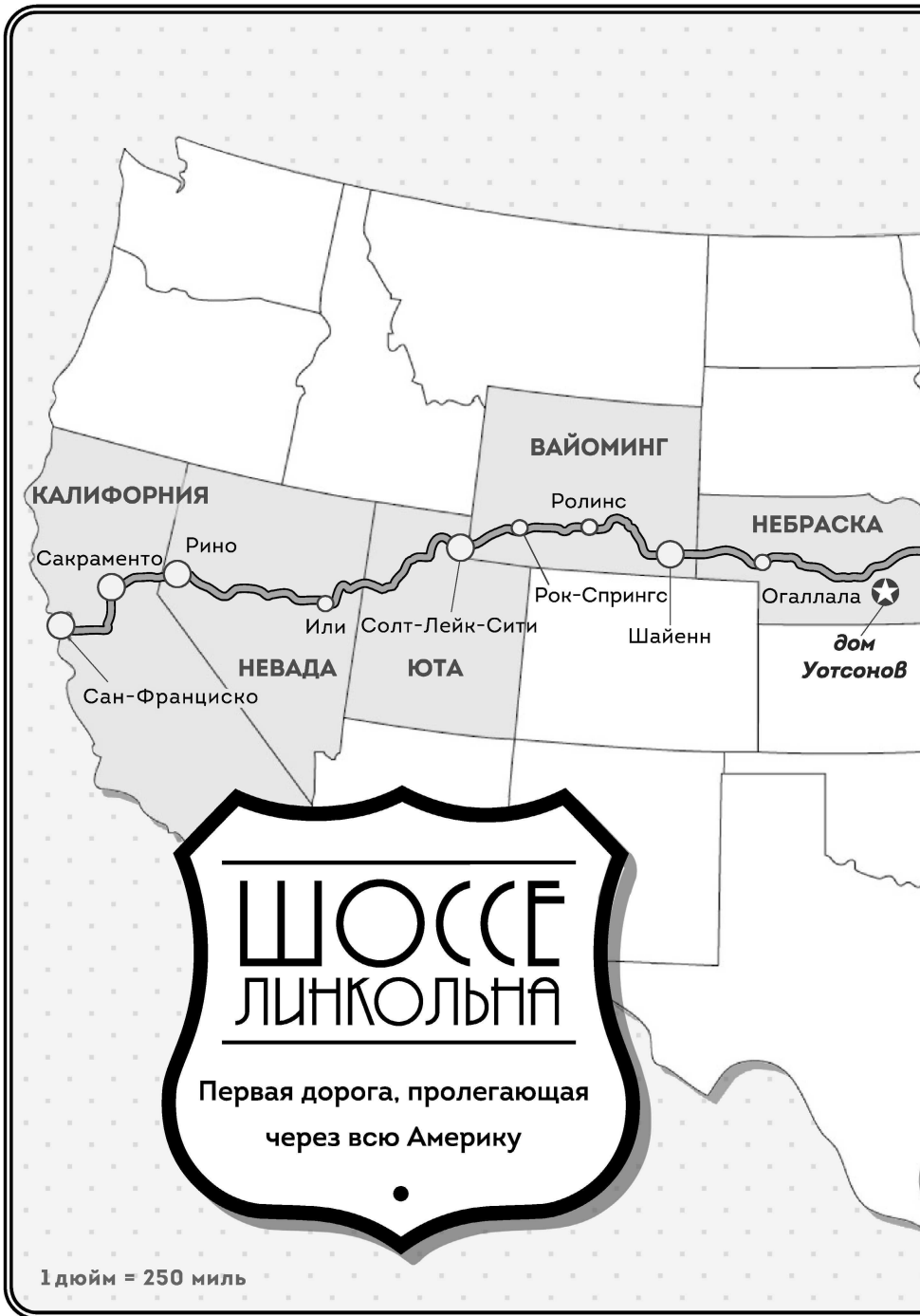

*Моим
брату Стокли
и сестре Кимбро*

КАЛИФОРНИЯ

Сакраменто

Рино

Сан-Франциско

НЕВАДА

Или

Солт-Лейк-Сити

ЮТА

ВАЙОМИНГ

Ролинс

Рок-Спрингс

Шайенн

НЕБРАСКА

Огаллала

дом
Уотсонов

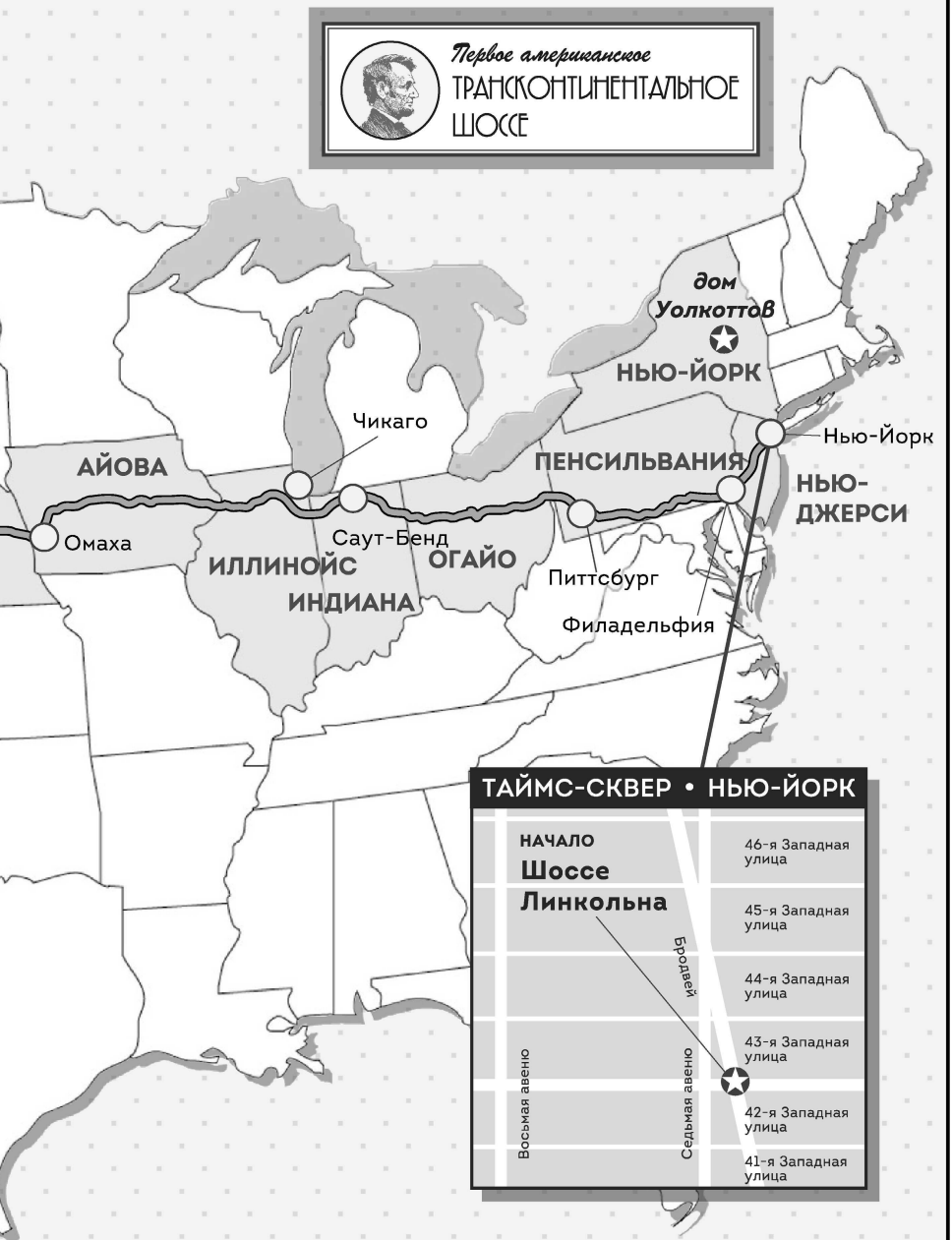
ШОССЕ ЛИНКОЛЬНА

Первая дорога, пролегающая
через всю Америку

1 дюйм = 250 миль

Первое американское
ТРАНКОНТИНЕНТАЛЬНОЕ
ШОССЕ

ТАЙМС-СКВЕР • НЬЮ-ЙОРК

НАЧАЛО Шоссе Линкольна	46-я Западная улица
	45-я Западная улица
	44-я Западная улица
	43-я Западная улица
	42-я Западная улица
	41-я Западная улица
Восьмая авеню	Седьмая авеню

Вечер на равнине,
Тучной, хмурой и всегда безмолвной;
Мили свежевспаханной земли,
Тяжелой, черной, полной сил, суровой;
Пшеница и овсюг,
Труженицы-лошади, усталые мужчины;
Пустынные дороги,
Печально зарево заката гаснет,
И вечно неотзывчивое небо,
И среди этого всего — юность...

Уилла Кэсер «О, пионеры!»

ДЕСЯТЬ

ЭММЕТ

Двенадцатое июня тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Пути от Салины до Мортена три часа, и большую часть его Эммет не сказал ни слова. Первые миль шестьдесят директор колонии Уильямс пытался завести с ним дружеский разговор. Кое-что рассказал о своем детстве на востоке, поспрашивал Эммета о его детстве на ферме. Но это их последняя встреча, и Эммет не видел смысла вдаваться в подробности. Поэтому, когда они пересекли границу между Канзасом и Небраской и директор включил радио, Эммет только смотрел в окно на прерию и думал о своем.

В пяти милях к югу от города Эммет показал вперед.

— Следующий поворот направо. Там через четыре мили будет белый дом.

Директор сбавил скорость и повернул. Проехали мимо дома Маккаскера, потом мимо Андерсена с двумя большими одинаковыми красными сараями. Через несколько минут показался дом Эммета шагах в пятидесяти от дороги, рядом с купой дубов.

Эммету казалось, что в этом краю дома выглядят так, как будто упали с неба. А дом Уотсонов еще и приземлился неудачно. Крыша по обе стороны от трубы провисла, оконные рамы перекосило, одни не открывались, другие не закрывались полностью. Еще немного, и они увидят, как осыпалась краска с доща-

тых стен. Не доезжая до поворота к дому, директор затормозил на обочине.

— Эммет, — сказал он, держа руль, — прежде чем подъедем, хочу кое-что тебе сказать.

Эти слова не очень удивили Эммета. Когда Эммета привезли в Салину, директором там был уроженец Индианы Акерли, предпочитавший давать советы не словесно, если их можно было сделать понятнее палкой. Но директор Уильямс был человек современный, с магистерской степенью и благими намерениями, и над его столом, в рамке, висела фотография Франклина Д. Рузвельта. Свои понятия он почерпнул из книг и жизненного опыта и располагал множеством слов для того, чтобы обратить их в советы.

— Для некоторых молодых людей, прибывающих в Салину, — начал он, — независимо от того, какая цепь событий привела их в сферу нашего влияния, это всего лишь начало долгого пути, усеянного неприятностями. В детстве им не вложили понятий о том, что правильно и неправильно, и они не видят особой причины уяснить это теперь. Те ценности или жизненные цели, которые мы стараемся им внушить, скорее всего будут тут же забыты, как только они уйдут из-под нашего призора. К сожалению, это только вопрос времени — когда ребята очутятся в исправительном заведении в Топике или где-то похуже.

Директор повернулся к Эммету.

— Это я к тому, Эммет, что ты не из их числа. Мы знакомы недавно, но я успел понять, что смерть мальчика лежит на твоей совести тяжелым грузом. Никто не думает, что случившееся в тот день обусловлено злобой или свойствами твоего характера. Это злополучная случайность. Но как цивилизованное общество мы желаем, чтобы даже тот, кто не намеренно причинил другим несчастье, понес какое-то наказание. Отчасти цель наказания в том, чтобы удовлетворить людей, больше всего

ШОССЕ ЛИНКОЛЬНА

потерпевших от несчастья — как родные мальчика. Но мы желаем также, чтобы оно послужило к пользе молодого человека, ставшего причиной несчастья. Так что, получив возможность уплатить свой долг, он нашел бы некое утешение в том, что отчасти искупил вину, — и встал на путь обновления. Ты понимаешь меня, Эммет?

— Да, сэр.

— Рад это слышать. Я знаю, что на твоём попечении брат, и ближайшее будущее представляется нелегким, но ты умный юноша, и впереди у тебя целая жизнь. Ты уплатил свой долг, и надеюсь, наилучшим образом порядишься своей свободой.

— Так я и намерен поступать, да.

И Эммет не кривил душой. Он был почти во всем согласен с тем, что сказал директор. Он сознавал совершенно ясно, что у него целая жизнь впереди и он должен растить брата. И сознавал, что случайно, а не намеренно стал виновником несчастья. Но не был согласен, что долг его выплачен полностью. Не важно, какую роль сыграл случай в том, что ты своей рукой оборвал человеку жизнь на земле, — доказывать Богу, что заслуживаешь прощения, ты будешь до конца своих дней.

Директор включил скорость и повернул к дому Уотсонов. Перед верандой стояли две машины — легковая и пикап. Директор поставил свою рядом с пикапом. Они с Эмметом вышли из машины, и в дверях появился высокий мужчина с ковбойской шляпой в руке.

— Привет, Эммет.

— Здравствуйте, мистер Рэнсом.

Директор подал ему руку.

— Я директор колонии Уильямс. Спасибо, что нашли время встретиться нас.

— Пустяки, директор.

— Как я понимаю, вы давно знаете Эммета.

— Со дня его рождения.